

ФИЛОСОФИЯ

Философские аспекты экономической науки

М. В. Вальяно*

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о некоторых выраженных особенностях экономической науки, показано, что они в значительной мере обусловлены соответствующей экономической практикой. Отсюда выводятся задачи науки, дана самая общая оценка уровня ее развития, обозначены трудности, с которыми экономическая наука сталкивалась и сталкивается.

Ключевые слова: философия науки; экономическая наука: теория и практика; кризис; экономический прогноз.

Philosophical Aspects of Economics

M. V. Valyano

Abstracts. The article considers some typical peculiarities of economics, it is proved that they are largely due to appropriate economic practice. Hence the problems of science are derived, the overall assessment of its development is given, the difficulties the economics faced and faces are stated.

Key words: philosophy of science; economics: theory and practice; crisis; economic forecast.

Проблема, вынесенная в заглавии статьи, не просто актуальна. Она дискуссионна. Это может показаться парадоксальным, но не только актуальность, но и дискуссионность экономической науки растет вместе с постоянно увеличивающейся значимостью экономического знания как такового. Требуют уточнения, и существенного, даже границы и содержание науки. Остается по сути открытым и ответ на вопрос о месте экономической науки в системе социальных наук. Споры здесь в самом разгаре.

Что изучает экономическая наука? Казалось бы, ответ очевиден – процессы, происходящие в экономике. Но подобный, самый общий ответ на вопрос мало что дает и в свою очередь требует расшифровки. Наука предполагает наличие теории, но ограничивается ли она теорией? Современная экономическая наука включает в себя не только собственно теорию, но и обоб-

щение, и анализ широких горизонтов практики. Но где кончается теория и опирающийся на нее анализ практики и начинается собственно практика, сказать невозможно: настолько взаимосвязаны наука, приобретающая выраженный прикладной характер, и экономическая практика. Граница между тем и другим весьма и весьма размыта.

Как, к примеру, определить практику, которая основана на нормах, принятых однажды и ставших с некоторыми неизбежными в соответствии с моментом модификациями устойчивой традицией, или новых нормах, возникших как результат соглашения практиков? Имеет ли она отношение к собственно науке? Или налицо элементарный здравый смысл и разработанные в соответствии с ним и ставшие нормой приемы? Они не заменяют научные разработки и не являются наукой в собственном смыс-

* Вальяно Михаил Васильевич – кандидат философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: valyano_mihail@mail.ru

ле слова. Впрочем, возможно, речь в данном случае идет лишь о первом необходимом этапе становления прикладной науки, предполагающем накопление фактического материала.

Мы сознательно оставляем в стороне отмеченное выше обстоятельство – то, что экономическая наука многопланова и многослойна, то, что отдельные ее направления настолько близки к практике, что почти сливаются с ней, другие – подчеркнуто теоретичны. Соотношение теории и практики в любом экономическом исследовании не статично, оно меняется. Соответственно, и выделение прикладной науки и вольное или невольное противопоставление ее экономической теории приобретает значительную долю условности. Она может быть большей или меньшей, но как ее избежать? Объединяя все экономические науки в одном понятии, мы хотим подчеркнуть, что все они имеют в конечном итоге один предмет исследования – экономическую жизнь во всех ее многообразных проявлениях. Именно экономическая жизнь, динамично развивающаяся, меняющаяся, нередко радикально, не только по масштабам, форме, но и по содержанию, оказывающаяся весьма специфичной в отдельных своих проявлениях, привлекает внимание ученых-экономистов, становится предметом научного исследования [7].

Еще совсем недавно были довольно распространены попытки выдать экономическую науку за образец социальной науки, настойчиво проводилась та мысль, что именно она в социальном блоке наук наиболее развита. Если физику часто называли, да и сейчас называют, королевой естествознания, то экономическая наука претендовала на роль королевы социальных наук. И, казалось, не без основания.

Стремительно расширялась сфера ее применения. Появились претендующие на междисциплинарность экономическая социология, экологическая экономика, десятки других направлений в науке, напрямую связанных с экономикой и экономической наукой. Она опережала другие социальные науки близостью к реалиям (с ней в этом плане могла поспорить разве что социология), а главное – степенью разработанности аналитического аппарата. Высказывалось мнение, что в недалеком будущем экономическая наука станет такой же объективной и точной, как та же физика. Но насколько были оправданы подоб-

ные ожидания, в какой мере они соответствовали реальному положению?

Представляется, что в позиции такого рода изначально господствовала попытка выдать желаемое за действительное. Тезис о том, что экономическая наука может быть столь же объективной и точной как физика, не стоит принимать всерьез.

В известном смысле положение экономической науки уникально. Сравним ее с той же социологией. Внешне многое совпадает. Один и тот же предмет исследования: человек и общество (экономическая наука, правда, изучает лишь ту его сторону, что связана с экономикой, экономической жизнью). Есть сходство в инструментах исследования – та же опора на математику и статистику. Но есть четкая разделительная черта. Изначально поставленный вопрос о выгоде, пользе результатов исследования для человека, группы людей, части общества, если под пользой понимается меркантильный интерес или что-то похожее, – как правило, минус, лишаящий проделанную социологами работу значительной доли смысла. Исследование рискует перейти в разряд псевдоисследований.

В экономической науке иначе. Ученый-экономист может декларировать и обычно декларирует объективность своего исследования и имеет для этого все основания. Он изучает экономическую реальность и делает выводы на основе ее изучения. Выводы, другими словами, далеко не произвольны. Но, как и всякого человека, уже не как ученого, а просто как человека, члена общества, его интересуют не только и даже в конечном итоге не столько происходящие в экономической жизни процессы сами по себе – важен результат. Сила экономиста-исследователя, по крайней мере сегодня, не в абстрактных построениях самих по себе, а в практических оценках и рекомендациях на их основе. Во всяком случае, от ученого ждут именно этого.

Выбирая варианты оценки сложившейся в экономике ситуации и, соответственно, варианты решения возникших проблем, ученый опирается, понятно, на итоги исследования (других ситуаций, выводящих ученого в конечном итоге за пределы науки, мы здесь не рассматриваем). Вольно или невольно, однако, срабатывают в выборе субъективные представ-

ления. Обосновывая предпочтительность того или другого варианта решения, экономист-исследователь исходит из своих представлений о пользе, эффективности. Они могут соответствовать и, как правило, соответствуют реалиям экономики, но в какой мере?

Объективность результатов экономических исследований практически никогда не бывает полной. На них накладывает отпечаток уже приверженность того или иного ученого-экономиста одной из экономических школ, течений в науке. Они совсем не обязательно не совпадают по ряду существенных параметров, возможно даже достаточно близки и где-то пересекаются. В каждом из этих течений доля истины, но какая? А если сюда примешиваются идеологические и политические соображения? Примешиваются напрямую или исподволь, незаметно вплетаясь в ткань экономического учения и модифицируя оценку, которую в конечном итоге дает исследователь? Из нее в реальной социальной практике следуют нередко далеко идущие решения, и не только экономические. Это слишком сильно, но есть доля правды в словах Д. Робинсона, утверждавшего, что экономическая теория больше походит на теологию, чем на фактологическую науку вроде физики. По его мнению, как и в теологии, аргументы в экономической теории в большей степени направлены на обоснование доктрин, нежели на проверку гипотез [3].

Экономисты вообще могут горько шутить по поводу своей науки. Одна из расхожих шуток: когда на твои вопросы отвечает экономист, перестаешь понимать вопросы. А вот как высказался однажды небезызвестный М. Фридмен: «Всеобщее поверхностное знакомство с предметом экономической теории порождает презрение к специальному знанию о нем». Проблема, понятно, не в поверхностности знакомства с теорией – она глубже.

Среди экономистов – и теоретиков и практиков – сформировалась позиция; у нее сегодня немало сторонников. Суть этой позиции: экономическая наука подошла к своему естественному рубежу, за которым с большим трудом угадывается хоть что-то по-настоящему конструктивное. Экономическая наука, другими словами, переживает острейший кризис. Внешнее его выражение – растущее несовпадение между общественными ожиданиями, требова-

ниями, предъявляемыми к экономической науке, и тем, что она дает, может дать в каждый данный момент.

Попробуем разобраться, признав в качестве исходного постулата то очевидное обстоятельство, что сам по себе кризис в науке возможен; на каком-то этапе развития он может оказаться – и оказывается – неизбежным.

Экономика и социальная жизнь в целом невероятно усложнились, стали заметно многовариантнее. Они исключительно подвижны. Скорость изменений, происходящих в экономике, такова, что наука не успевает за ними. Как следствие, экономические оценки и рекомендации на их основе оказываются неустойчивыми, а то и просто ошибочными. Нередко они отсутствуют вовсе. В ходу условные, конечно, некие пропорциональные соотношения, в соответствии с которыми лишь третья часть высказываемых экономических прогнозов вполне оправдывается, треть не находит подтверждения вовсе, а оставшиеся если и подтверждаются, то лишь частично, да и связано это не столько с теорией, сколько с непосредственной экономической практикой, опытом. Иногда срабатывает элементарная интуиция, имеющая, впрочем, ту же опытную основу.

В доказательство неэффективности экономической науки приводятся часто феномены экономических кризисов, включая последний. Хотя их и ожидают, они всегда оказываются неожиданными. Что касается последнего кризиса, то даже экономистам-профессионалам не очень ясна его природа, требуют дальнейшего анализа формы выражения, до сих пор ведутся споры о том, пройдена ли самая глубокая фаза кризиса или она еще впереди.

Тот же М. Фридмен постулировал очевидное по отношению к экономической науке: теория, на основе которой делают надежные прогнозы – хорошая теория. А если прогноз ненадежен?

Смысл экономической теории, науки в целом – в ее объяснительных и прогностических возможностях. Они-то как раз становятся все более скромными. С завидной регулярностью экономику сотрясают разрушительные по масштабам и формам выражения катаклизмы, на них наслаиваются сбои, вроде бы и не столь значительные, но растет их число, а общество оказывается ко всему этому совершенно не подготовлено.

Одна из причин, возможно, не самая главная, но весьма существенная, кроется в том, что нередко и сегодня исследователь в своем стремлении к точности, а в идеале – однозначности прогноза, – подчиняясь идущей от классики традиции, пытается найти общие, фундаментальные законы и закономерности развития экономической жизни и объяснить происходящее на их основе. При этом утверждается, не всегда, но достаточно часто, что если и не все, то большинство значимых проблем было в экономической науке уже поставлено. Они активно обсуждались и даже решались. Отсюда, как следствие, реальное продвижение вперед в экономической науке возможно и даже необходимо, но близок предел, когда двигаться будет уже некуда.

Никто не спорит: общие законы и закономерности в развитии экономики существуют, и отрицать их значимость нелепо. Но даже если признать, что все или почти все они уже открыты (хотя это гипотетическое признание будет весьма далеко от истины), только знания общих законов и закономерностей для сколько-нибудь серьезной трактовки многообразия экономических явлений явно недостаточно. Сегодня это намного очевиднее, чем еще в совсем недалеком прошлом.

Вопрос, впрочем, следует поставить шире. Ученые-экономисты сегодня как никогда ранее нуждаются в соответствующей требованиям момента методологии. Движение в этом направлении есть, что зримо подтверждается то затухающей, то вспыхивающей вновь «войной методов» в экономической науке. Собственно, есть и методология в своей основе. В ее разработку внесли немалый вклад М. Фридмен, М. Блауг, Б. Колдуэлл, Т. Хатчисон, Д. Хаусман. Перечисление имен без труда можно было бы продолжить. Немало ученых в XX и начале XXI столетия поднимали и поднимают вопросы методологии экономической науки. Но прав уже неоднократно упоминавшийся ранее М. Фридмен: слишком велика задача на фоне достигнутых результатов.

В чем суть проблемы? Экономическая наука менялась вместе с изменениями в самой экономической жизни. Та становилась все более сложной, трудно предсказуемой, а отражающая ее наука – все более вероятностной. Но признание данного обстоятельства самого по себе

было явно недостаточно, потребовались изменения в самой науке. Не столько в определении целей, сколько в уточнении реальных возможностей. Необходимыми оказались изменения и в инструментах исследования.

Впрочем, вся наука, не только экономическая, становится заметно вероятностной. Ослабить вероятностный эффект, ограничить его можно. Пример тому – как раз экономическая наука, точнее, возможности, в ней заложенные. Имеются в виду потенциальные возможности, связанные с опорой экономиста-исследователя на статистику и особенно на математику.

В экономике, механизмах ее развития довольно четко выражен синергетический эффект. Экономическая наука не может проигнорировать данное обстоятельство.

В рамках ограниченной по размерам статьи раскрыть его сколько-нибудь подробно не представляется возможным. Заметим лишь: предмет синергетики – так называемые открытые системы, в которых благодаря многофакторности и вариативности развития внутри самой системы, а главное, благодаря возможности воздействия на него извне, открытости для внешней среды, развитие может становиться и становится неустойчивым. В какой-то момент малейшее воздействие («булавочный укол») способно радикально изменить всю систему. При этом предсказать, как она будет меняться, в каком направлении развиваться и какой вид приобретет в конечном итоге, довольно сложно, если вообще возможно. Ограничена и возможность целенаправленного воздействия на меняющуюся систему, хотя именно возможность такого воздействия выходит на первый план, становится главной задачей там, где синергетический эффект обнаруживает себя в таких областях, как экономика, как, впрочем, и в других сферах социальной жизни.

Напрашивается несколько неожиданное сопоставление изменений в экономике с процессами, характерными для микромира. Имеется в виду «поведение» элементарных частиц. Оно, как известно, также вероятностно: элементарная частица в результате воздействия на нее может оказаться в одной из предполагаемых точек, но в какой конкретно, предсказать невозможно. Экономическая жизнь тоже может развернуться и реально разворачивается в одном из направлений. Только пассивно ожидать

результата человек, непосредственно в нем заинтересованный, не может. Как правило, он этого и не делает. Пассивное ожидание чревато далеко не позитивными результатами. Естественными оказываются попытки повлиять на характер происходящих в экономике изменений, усилив, насколько это достижимо, положительные и ограничив негативные тенденции развития.

А как же синергетический эффект? В экономике он неполный и полным, неограниченным быть не может. Экономика как система вписана в более общую – социальную – систему, подчиняется ее законам. К тому же экономическая жизнь имеет собственные ограничения, рамки, за пределы которых выйти не может. Добавьте сюда моменты прагматического плана (их нельзя не учитывать), а также логику и здравый смысл. В результате, в каждый данный момент возможными и вполне реализуемыми окажутся несколько вариантов развития. Но их будет не так уж много. Некоторые покажутся достаточно перспективными, другие – нет. Бывает, что перспективным по-настоящему окажется один единственный вариант. Выделить и обосновать именно его – в этом как раз и состоит в конечном итоге главная задача экономической науки. Решение ее вполне возможно, хотя это часто, даже как правило, далеко не простое дело.

Как представляется, речи о необходимости качественной революции в экономической науке не идет. Она уже изменилась, и достаточно радикально, со времен классической науки. Отмеченные выше попытки «танцевать» от классики – не более чем рудимент, хотя и устойчивый. Какое-то время он еще будет сохраняться, но больше в головах людей, далеких от науки.

Казалось, как было бы хорошо, если бы наука, называющая себя экономической, разработала четкие рекомендации, вывела в конечном итоге некую формулу наиболее эффективного и перспективного развития экономики. Однако, если бы и нашелся такой экономист-исследователь и предложил бы он такого рода формулу, она оказалась бы неизбежно или предельно абстрактной, ни к чему не обязывающей или, напротив, настолько громоздкой, обремененной большим числом оговорок типа «если», «в случае», «при условии» и аналогичными по сути, что она также лишилась бы по сути смысла.

В современной экономической науке в ходу

неопределенные формулировки типа «представляется», «практика показывает». Есть и такие, где признается, что это мнение того, кто оценивает ситуацию. Среди факторов, влияющих на оценку ситуации и определяющих в конечном итоге характер конкретных экономических решений, выделяются не только чисто экономические изменения (в более широком плане – социально-экономические), но и высказывания влиятельных политиков, позиции крупных и крупнейших банков, ситуация на бирже, которая может быть и нередко бывает спекулятивно окрашена, и многое другое.

Такой наука быть не может, говорят одни. Другой она никогда не будет, утверждают другие. Неточность, неопределенность, известная доля субъективизма присущи современной экономической науке.

Высказываемые мнения и оценки могут не совпадать с другими оценками. Но если это наука и речь идет не просто о мнении, а о мнении аргументированном, выраженное субъективное начало, в нем содержащееся, – это всего лишь здоровое сомнение, отсутствие уверенности в том, что другие варианты невозможны, а предложенный – действительно лучший всегда и при всех условиях. Это не неуверенность как таковая, а позиция, рожденная стремлением к большей определенности и точности, и именно такова цель современной экономической науки.

В движении экономической науки вперед возникло немало крайностей, оказалось заметным смещение акцентов. На фоне явно недостаточного развития науки, а также очевидного несовпадения между ее сегодняшними возможностями и требованиями, которые предъявляет науке общество, стало расти ожидание радикальных изменений, прорыва в экономической науке. Появились и множатся высказывания, сформировалась позиция – под нее подведена соответствующая фактологическая основа, что современная экономическая наука уже не наука вовсе: она утратила свой статус.

Начнем с очевидного. Любое исследование, претендующее на определение научного, должно отвечать ряду критериев.

Прежде всего, ученый должен опираться на факты, при этом они должны быть так или иначе обобщены, систематизированы. Бессистем-

ные факты науки не образуют. Наука предполагает доказательность, обоснованность фактов, достоверность выводов. Степень доказательности, обоснованности может быть, понятно, различной. Не исключена возможность ошибки. Задача науки как раз в том и состоит, чтобы свести их к минимуму.

Важная характеристика науки – ее проблемность. Смысл деятельности подлинного ученого – проникновение за границы познанного, обнаружение нового в исследуемой области, открытие законов и закономерностей, в том числе вероятностных, анализ существенных свойств и отношений, ранее неизвестных или исследованных недостаточно, односторонне. Отсутствие нового превращает исследование в псевдоисследование, выводит его за рамки науки.

Научное исследование логично, опирается на определенный научный инструментарий.

Указанные выше признаки при всем несовершенстве экономической науки в ней есть. Основным параметрам науки, иначе говоря, она вполне соответствует.

Из стана критиков звучит: экономическое знание становится предельно сложным. Результаты экономического исследования зачастую формулируются так, что становятся непонятными даже профессионалам, а уж не профессионалам в экономической науке делать нечего. Непонятность, однако, – это особенность многих наук, особенно как раз развитых. Каждая вырабатывает свой язык, опираясь на свою систему понятий, отражающих специфику научного исследования и его результатов. Для экономической науки с ее близостью и даже известной подчиненностью практике излишняя абстрактность едва ли полезна, даже мешает. Но она не может ставить под сомнение статус экономической науки как науки.

Утверждается даже: экономическая наука неэстетична. Обыгрывается одно обстоятельство, которое выдается за своего рода парадокс и формулируется следующим образом: то, что в экономической науке эстетично, как правило, ненаучно, и наоборот: достижения науки выражены нередко или примитивно, или удивительно громоздко. Имеется в виду прежде всего математическое выражение этих достижений. К нему явно тяготеют исследователи-экономисты.

Даже если признать, однако, что в обозначенном выше парадоксе есть рациональное зерно, о чем оно свидетельствует? Разве не о том, что от экономических решений не следует требовать обязательного, предпочтительно математического изящества? Вполне возможно, экономическая наука нашла должное решение, но не нашла еще адекватных ему способов выражения. Возможно, искомого изящества вообще не существует. В любом случае в экономической науке оно специфично и может быть найдено в дальнейшем, но в какие формы выльется, как будет выражено, мы еще не знаем. И это не должно нас особо интересовать. Акцент в исследовании на явно периферийную на сегодняшний день проблему отодвигает в сторону и заслоняет главное – практическую значимость экономической науки.

Подчеркивать данное обстоятельство приходится уже потому, что среди экономистов-практиков немало тех, кто сознательно принимает роль теории. В их распоряжении по сути всего один аргумент, но какой?

Приходится признать: даже крупные и авторитетные ученые-экономисты и экономическая наука в целом чаще, чем хотелось бы, оказывались и оказываются беспомощными в решении конкретных проблем. Они неплохо объясняют, что и почему произошло, используя разного рода графики, сложные расчеты, проводя параллели с тем, что уже было. Вспоминаются даже предостережения, которые действительно звучали, но которым по разным причинам не придали должного значения. А нужно совсем другое: не предугадывать, как бывает, а на основе всестороннего анализа фактов уметь предсказать с максимально возможной долей вероятности, что должно произойти, и, даже если ожидаемы серьезные негативные следствия, предложить решения, сводящие их к минимуму, если полностью таких следствий избежать невозможно. Отсюда другая стержневая задача экономической науки, тесно связанная с первой, вытекающая из нее: на основе всестороннего анализа ситуации и возможных вариантов развития научно обосновать наиболее эффективный и перспективный из них.

С сожалением приходится констатировать: для современной экономической науки подобная задача выглядит почти как сверхзадача, но это и цель, к которой наука должна стремиться.

Самоочевидно: степень зрелости науки напрямую определяется тем, насколько близка она к цели.

Есть здесь одно обстоятельство, если хотите, нюанс, но весьма существенный. При оценке качества экономической науки, степени ее зрелости нельзя не обратить внимание на то, что общество может вовсе не замечать недостаточного развития какой-то другой науки. Во всяком случае, оно не будет драматизировать ситуацию, если только эта наука не будет задевать напрямую интересы людей так, как экономическая наука. Далеко не случайна поддержка ее влиятельными общественными фондами, а то и напрямую – государством. Вспомним, сколько к настоящему времени в мире лауреатов Нобелевской премии по экономике. Число их растет с каждым годом.

Достижения экономической науки, тем не менее, не удовлетворяют общество, результаты экономических исследований разочаровывают. Похоже, однако, люди не будут испытывать сколько-нибудь полного удовлетворения при любом прогрессе экономической науки. Подобно тому, как отдельный предприниматель, получающий незначительную прибыль, продолжает вести дело, но выражает постоянное неудовлетворение нормой прибыли и стремится ее увеличить (наивно полагать, что могло быть иначе), так и общество в целом, опираясь на экономическую науку, без которой трудно представить современное общество, стремится получить от нее максимально возможную отдачу. Обладая экономической наукой большей эффективностью, она все равно показалась бы обществу недостаточной. Рост же эффективности неизбежно сопровождался бы увеличением требований к экономической науке.

Парадоксально, но лишь на первый взгляд, выглядит то обстоятельство, что общий, если можно так выразиться, стратегический прогноз и обоснование действий на его основе удаются экономической науке в целом намного лучше, чем прогноз тактический, частичный, предполагающий оценку какой-то стороны, какого-то момента, конкретной ситуации. В последнем случае приходится учитывать массу факторов, иногда весьма специфических. Каждый из них может сыграть свою, не всегда очевидную, роль. Реагировать же нужно сразу. В стратегических оценках и действиях от частных

можно и даже нужно уйти, а то, что составляет стержневое начало, всесторонне просчитать, проанализировать, при необходимости смоделировать.

Обозначенный парадокс – совсем не основание для вывода, что стратегический (долговременный) прогноз сделать намного легче. Просто учитывать приходится другие факторы. Их, может быть, действительно не так много, но каждый, в зависимости от того, учтен ли он на деле, насколько творчески применен, предопределяет успех или неуспех прогноза и действий на его основе. Последствия же ошибочных решений в том и другом случае непоставимы. Всякая аналогия условна, всякое сравнение хромает – это верно. Но сопоставьте экономические реформы Ден Сяопина и Е. Гайдара. Мы снимаем здесь вопрос о том, мог ли быть реализован в России китайский путь развития. Вопрос спорный. Обращает на себя внимание другое: в одном случае налицо трезвый расчет, учет если и не всех, то почти всех значимых обстоятельств, в другом – слепое упование на стихию рынка. Результат известен.

При всей ограниченности экономической науки она не настолько слаба, чтобы ей можно было пренебречь, особенно в ситуациях радикальных и глобальных перемен, требующих серьезного осмысления. Роль науки в такого рода ситуациях резко возрастает, но должное внимание к ней зачастую отсутствует. Есть немалая доля истины в горьком упреке, идущем от ученых-экономистов: практика, включая ту, что выливается в конечном итоге в определенную систему действий, государственные решения, оказывается нередко в руках людей, признающих экономическую науку лишь на словах, но игнорирующих на деле. Однако именно эти люди «делают погоду», принимают судьбоносные решения. Драматичный итог, как следствие, предопределен.

Сторонники реформ по Гайдару говорили, да и сейчас утверждают: времени совсем не было – нужно было действовать быстро. Но быстро – не значит игнорируя науку, результаты «шоковой терапии», известные по опыту других стран, многочисленные предостережения.

Даже такой сторонник либеральной западной цивилизации как К. Поппер в своей книге «Открытое общество и его враги» писал задолго до нынешних, потрясших мир и миро-

вую экономику событий: «Принцип государственного невмешательства в экономику должен быть отброшен...Если мы хотим защитить свободу, то должны требовать, чтобы политика неограниченной экономической свободы была заменена плановым вмешательством государства в экономику» [6]. Поппер далеко не одинок. Предвидя по сути неизбежные негативные следствия разгула рынка, известный экономист В. Леонтьев более чем полвека назад предостерегал: для того, чтобы народно-хозяйственный корабль набирал скорость и не сбился с курса, нужны как паруса частного предпринимательства, так и штурвал общенациональной экономической стратегии [5].

Ден Сяопин и без Леонтьева с Поппером понял опасность. Е. Гайдар посчитал идущие отовсюду предостережения несущественными, проигнорировал их. И что в итоге?

А вот пример иного рода – первое из широко известных «немецкое экономическое чудо». Оно выросло как результат радикальной перестройки экономики страны. Эта перестройка опиралась не только на предшествующий опыт и традиции, но и на прямые рекомендации экономической науки.

Немцы оказались по окончании Второй мировой войны в очень трудной ситуации. Экономика была разрушена практически до основания. Правда, средства для ее восстановления были («план Маршалла»). Но как их использовать, что и как восстанавливать? Идти по англо-американскому пути в руководстве Германии не хотели. Каким бы человеконенавистническим ни был гитлеровский режим, он давал жителям страны, особенно поначалу, ряд серьезных социальных гарантий. Некоторые из них были уже в догитлеровской Германии. Немцы хотели бы их сохранить. Одновременно требовалось восстановить и развивать рынок. Одно с другим не всегда стыковывалось. Вот тут и возникла задача для ученых-экономистов. Они всесторонне проанализировали ситуацию, осмыслили возможные варианты действия, смоделировали их, проверив на практике. Результаты были уточнены, подчас весьма существенно. В итоге был обоснован и стал в конечном итоге нормой эффективный вариант хозяйствования, вполне удовлетворявший общество. Сами немцы определили его как «социальное рыночное хозяйство».

Может показаться, что приведенный и аналогичные ему примеры свидетельствуют не столько о силе теории, сколько о творческом переосмыслении практики хозяйствования. Но такой и должна быть значительная часть экономической науки. Если она уходит в каких-то своих теоретических обобщениях от непосредственной реальности, первостепенная задача исследователя сохранить, пусть не прямую, а через какие-то промежуточные звенья, связь с практикой. Уход от нее, разрыв с ней неизбежно приводит к тому, что содержание экономического исследования оказывается выхолощенным. Оно теряет свой смысл.

Что-то по сути аналогичное, только в еще более зримой форме происходит в случае сознательного ухода от истины, когда она перестает как цель интересовать ученого, точнее, псевдоученого, когда на первый план выходят соображения и моменты, в которых превалирует, неважно почему, субъективный интерес. Такое, к сожалению, не редкость, но в этом случае научная, наукообразная форма может сохраниться, наука – нет.

Нельзя не заметить: экономическая наука развита крайне неравномерно. Если представить знание, сконцентрированное в экономической науке, в виде некой пирамиды, придется признать, что некоторые ее этажи, отдельные фрагменты выстроены так, что производят впечатление законченности, отличаются изрядным запасом прочности. В других угадываются лишь контуры. При этом строительство осуществляется сразу на всех этажах, но настолько автономно, что часто непонятно, как связаны между собой отдельные участки строительства.

Иногда данное обстоятельство рассматривается как еще одно свидетельство слабости экономической науки. Мы далеки от мысли утверждать обратное, но такого рода свидетельство по меньшей мере уязвимо. Ведь подобным образом – неравномерно – развивается практически любая наука. В ней в силу ряда причин, среди которых уже достигнутый уровень зрелости отдельных ее областей и науки в целом, потребности самой науки и практики, на которую та опирается и запросам которой в конечном итоге отвечает, одни направления исследования выходят вперед, другие отстают – они просто ждут своего часа. Отмеченная не-

равномерность, другими словами, – явление само по себе неизбежное, и оно не абсолютно. Раз за разом в нем обнаруживаются тенденции сближения или по меньшей мере координации.

Следует заострить внимание на еще одной, все отчетливее проявляющейся, особенности в развитии науки как таковой. Сегодня востребованными оказываются не только, а иногда не столько новые исследования, хотя необходимость последних никто не отрицает (без них нет науки!), сколько применение, внедрение в реальную практику уже найденного, потенциально эффективного, но недостаточно апробированного. Что уж говорить о расширении рамок наличного, оправдавшего себя опыта, использовании зарубежного опыта – это может оказаться намного полезнее новых разработок.

Приходится еще и еще раз подчеркивать: речь идет не о бездумном навязывании решений, уже доказавших свою эффективность. Даже в условиях глобализации экономики, растущего стремления использовать те из них, что доказали свое очевидное преимущество и на примере отдельных стран, отдельных экономик и на мировом уровне, остается необходимым учет конкретной ситуации и факторов, по преимуществу неэкономических. Они не всегда на поверхности, но они глубоко укоренены в национальных традициях, менталитете, культуре. Именно они могут стать труднопреодолимым препятствием на пути использования хозяйственного опыта. Никак нельзя сбрасывать со счетов и конкретную социально-историческую ситуацию. Она может оказаться весьма специфичной.

М. Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» имел основание утверждать: такой капитализм, который сложился, вылившись в определенную только ему присущую форму в Западной Европе, больше нигде невозможен [2]. Японский или китайский варианты рынка? Они могут существовать где-либо за пределами Азии?

Не об отрицании опыта, подчеркнем, идет речь. Реальная антитеза ему – губительная для современной экономики национальная замкнутость или экономический волюнтаризм, суть и результаты которого очень точно выразил не кто-нибудь, а В. С. Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

И еще одна особенность современной науки, тесно связанная с уже упоминавшейся выше. На союз с ней охотно идет реальный бизнес. Но что это за союз? Бизнес охотно предоставит деньги, но не на фундаментальные исследования сами по себе. Ему нужен конкретный результат, и бизнес поощряет движение науки в этом направлении. В науке, не только экономической, в разных формах и с разной степенью интенсивности усиливается прикладная составляющая. Все отчетливее обнаруживает себя именно в прикладной и близкой к ней науке принцип: «какая разница, какого цвета курица, если она несет золотые яйца». В экономической науке этот принцип проявляется по сути изначально, и весьма зримо.

В целом же, как своего рода вывод, следует признать: сегодня речь должна идти не о кризисе экономической науки как таковой и даже не о псевдокризисе. Задача момента, основная, магистральная задача, – пройти между Сциллой переоценки возможностей экономической науки, наращивающей пусть не без проблем свой потенциал, и Харибдой ее явной переоценки.

Библиографический список:

1. Блауг М. «Экономическая мысль в ретроспективе» М., 1994
2. Вебер М. «Протестантская этика и дух капитализма» // Избранные произведения М., 1990
3. «История экономических учений» (Современный этап) под общ. редакцией А. Г. Худокормова М., 2002
4. Канке В. А. «Философия экономической науки» М., 2009
5. Леонтьев В. «Экономические эссе» М., 1990
6. Поннер К. «Открытое общество и его враги» М., 2005
7. «Философия и методология экономической науки» // Философия и методология гуманитарных наук (под общей редакцией С. А. Лебедева) М., 2008
8. Фридмен М. «Методология позитивной экономической науки» // Thesis, т.2, вып.4, 1994